

За этот день Линь Сюэцэ, без преувеличения, получил щедрый урожай.

Он не только успешно нашёл маленького кролика Чжун Юаня и узнал радостную новость о том, что Чжун Цинлинь твёрдо решила развестись, но и, вернувшись домой, обнаружил ещё одно чудо — маленькая морская зайка наконец приняла человеческий облик.

Теперь у неё было человеческое тело, и отныне она должна была жить в основном в человеческой форме.

В тот же вечер У Гуй пригласил рабочих в особняк и слегка переделал третий этаж, чтобы он больше подходил для проживания зайки в облике человека.

Когда всё было улажено, уже стояла глубокая ночь. Трое людей и одна птица разошлись по своим комнатам отдыхать.

И Линь Сюэцэ снова увидел во сне того самого мужчину.

С того первого раза, как он появился в его снах, Линь Сюэцэ видел его каждую ночь.

Впервые встретив его во сне, Линь Сюэцэ отреагировал бурно: сердце колотилось, всё тело охватывала дрожь.

Но с каждым новым сном он постепенно привык к его присутствию и становился всё спокойнее.

Всего лишь красивый мужчина, стоящий вдалеке и шаг за шагом идущий к нему.

По опыту Линь Сюэцэ знал: как только тот приблизится вплотную, он проснётся.

Поэтому сейчас он стоял совершенно спокойно, с невозмутимым выражением лица наблюдая, как мужчина медленно подходит всё ближе.

— Линь Сюэцэ?

Мужчина тихо произнёс его имя — голос был таким низким и мягким, словно шёпот у самого уха. Тёплое дыхание коснулось его разгорячённого уха, и сердце Линь Сюэцэ мгновенно забилось быстрее.

Смутившись, он слегка прикрыл глаза, уже приготовившись проснуться и встать на занятия.

Прошло несколько секунд — но он всё ещё оставался во тьме сна.

Удивлённый, Линь Сюэцэ распахнул глаза — и в тот же миг мужчина, стоявший рядом, наклонился и мягко коснулся губами кончика его уха.

Тёплое, влажное прикосновение.

Мгновенная волна сладкого онемения разлилась по всему телу.

Линь Сюэцэ словно пронзило электричеством — он резко вздрогнул.

Он стремительно обернулся и, подняв голову, потрясённо посмотрел на мужчину.

Они стояли лицом к лицу, почти на нулевой дистанции — так близко, что он отчётливо видел

густые, как вороны перья, ресницы мужчины.

И только теперь Линь Сюэцэ заметил: издалека его глаза казались чёрными, но при таком близком взгляде в глубине этой густой тьмы таилась кроваво-алая искра.

Словно огонь, скрытый в бездне — тихо тлеющий в холодной чернильной глубине.

Этот красный свет словно втягивал в себя его душу.

Он замер, замороженно глядя в эти глаза.

Не дав ему опомниться, мужчина поднял его за подбородок, и горячий, влажный поцелуй глубоко опустился на его приоткрытые губы...

— Мм...

Тело Линь Сюэцэ дёрнулось, он резко распахнул глаза и в испуге вырвался из сна.

Когда перед глазами возникли знакомый потолок и привычные шторы, Линь Сюэцэ лишь постепенно пришёл в себя.

Это снова был сон...

Всё его тело покрылось тонкой испариной, грудь судорожно вздымалась, дыхание сбивалось, он жадно глотал воздух.

Онемение разливалось по всему телу, даже кончики пальцев слегка дрожали.

Он упёрся руками в кровать, пытаясь сесть, но не успел удержать равновесие — пальцы ослабли, и он снова рухнул обратно.

И в этот же миг он ощутил на теле странную, липкую влагу.

Неловко шевельнувшись, Линь Сюэцэ опустил руку вниз — и, осознав, что произошло, словно получил удар молнией.

Он... в этот самый момент стал взрослым.

.....

В этой жизни Линь Сюэцэ рос под постоянным гнётом семьи Лин.

С пяти до пятнадцати лет — эти десять лет, самые важные для двух этапов полового созревания, — у него не было ни нормального питания, ни времени на учёбу, ни полноценного сна.

Недосып, нехватка питания — в таких условиях то, что он всё же вырос здоровым и вытянулся до метра восьмидесяти, было почти чудом.

Физически он развился нормально, но, возможно, из-за психологических причин, та самая «мужская ночь» всё никак не наступала.

До пробуждения Линь Сюэцэ был никому не нужен — родители не заботились о нём, друзей у него не было, и о подобных вещах он знал крайне мало.

Однажды в туалете он мельком взглянул на себя — размеры ничем не отличались от других, и он успокоился: раз есть — значит, работает, а остальное его не волновало.

Что же до Линь Сюэцэ после пробуждения... в прошлой жизни у него первая поллюция случилась ещё в средней школе.

Но раз уж в прошлой жизни это случилось рано, а он всё равно прожил всю жизнь девственником, то какая разница когда произошла первая поллюция — рано или поздно? Он никогда не придавал этому значения.

И уж точно не мог представить, что это произойдёт именно так.

Во сне его просто позвали по имени — и сердце бешено забилося.

Его поцеловали — и всё закончилось ночным извержением.

Это...

Это совсем не так, как он себе представлял!

Как можно было «сдаться» всего лишь от поцелуя?!

И вообще... разве ему не должны нравиться девушки? Почему в его сне был мужчина?!

Пролежав на кровати ещё долгое время, кое-как придя в себя, он поспешно вскочил и бросился в ванную.

Пока Линь Сюэцэ в спешке мылся, в глубинах бесчисленных миров, в бездонной бездне, где спал мужчина, медленно распахнулись глаза.

Он покоился в хаосе десятки тысяч лет — и впервые кто-то осмелился потревожить его сознанием.

Хотя его и разбудили, настроение у него было на удивление хорошим.

Прошлая ночь казалась прекрасным сном: на губах всё ещё жила сладость, словно он вкусил лучшего вина — послевкусие которого невозможно забыть.

— Линь Сюэцэ, — тихо прошептал мужчина, запоминая это имя.

Закончив с душем, Линь Сюэцэ наконец спустился вниз — свежий, чистый, чуть взволнованный.

У Гуй и Сяо Хай как раз практиковали культивацию, встречая первые лучи рассветного солнца. Увидев Линь Сюэцэ, оба приняли человеческий облик и вместе направились в зал для утреннего чая.

— Малыш, сегодня ты спустился на полчаса позже обычного, — сказал У Гуй, ожидая завтрак.
— Ты хорошо спал?

Линь Сюэцэ вспомнил всё, что произошло утром, и смущённо кивнул, уклончиво буркнув что-то невнятное.

Зато стоявшая рядом Сяо Хай, заметив его увлажнённые глаза и пунцовые кончики ушей, прищурилась и лениво протянула:

— Весенний сон?

Линь Сюэцэ: ...

Он как раз пил чай. От такого внезапного заявления Сяо Хай он тут же поперхнулся, закашлялся и долго не мог отдышаться.

У Гуй тоже опешил — поспешно протянул салфетки и с любопытством стал рассматривать Линь Сюэцэ с ног до головы.

Под их взглядами румянец на ушах Линь Сюэцэ мгновенно расползся по всему лицу — щёки пылали так, будто вот-вот загорятся.

— Я... я не... — он запинаясь попытался что-то объяснить, но ни одной правдоподобной лжи придумать не смог.

А потом махнул рукой.

В конце концов, перед ним не чужие, а свои, домашние «зверушки».

И, словно смирившись с судьбой, он выдохнул:

— Я уже несколько дней подряд вижу во сне одного и того же мужчину. Каждый раз, когда просыпаюсь... сердце бешено колотится, реакция слишком сильная. Хотя это всего лишь сон, ощущение такое, будто всё происходило на самом деле.

— Один и тот же мужчина? — нахмурился У Гуй. — Ты его знаешь?

— Нет, — покачал головой Линь Сюэцэ.

Ни в прошлой жизни, ни в этой он никогда не видел этого человека.

У Гуй после этих слов слегка помрачнел и переглянулся с морской зайкой.

Заметив их серьёзные лица, Линь Сюэцэ почувствовал, как внутри всё сжалось.

— Что-то не так? — поспешно спросил он. — Есть какие-то проблемы?

— Малыш, хоть у тебя и нет духовной силы, ты всё же Король Демонов, которого мы почитаем,
— мягко сказал У Гуй. — Ты не совсем обычный человек.

Для обычных людей сны — это отражение их внутреннего мира.

Но для существ с духовной энергией сон часто имеет особое значение.

Он посмотрел на Линь Сюэцэ и продолжил:

— Если после сна ты ничего не помнишь, то это обычный сон, не стоит обращать внимания.

Но если несколько дней подряд повторяется один и тот же сон, а после пробуждения реакция настолько сильная — к этому нужно относиться с осторожностью.

Линь Сюэцэ впервые слышал такое объяснение и невольно выпрямился:

— Тогда... что означает мой сон? Это предвидение?

При мысли о том, что делал с ним мужчина во сне, его лицо снова вспыхнуло.

У Гуй покачал головой — но и сам, похоже, не мог дать точного ответа.

Зато Сяо Хай лениво произнесла:

— Я бы сказала, это больше похоже на слияние сознаний.

— Слияние сознаний? — Линь Сюэцэ снова услышал незнакомый термин.

— Контакт душ, — пояснила Сяо Хай. — Духовное соединение. Ментальная близость.

Линь Сюэцэ не до конца понял, но всё же медленно кивнул.

У Гуй нахмурился ещё сильнее:

— Этот коттеджный комплекс я проектировал лично. Вся территория — это огромная защитная формация. Наш дом — её центральное ядро. Обычная нечисть сюда даже близко подойти не может.

Даже если что-то невероятным образом прорвётся сквозь все барьеры — мы спим рядом с малышом. Если бы кто-то вторгся в его сознание, мы бы это почувствовали. Это невозможно... если только...

Он замолчал на полуслове.

Линь Сюэцэ тут же напрягся:

— Если только что?

— Есть лишь два возможных варианта, — после короткой паузы сказал У Гуй, подбирая слова.
— Первый: тот, кто входит в твои сны, — это Царь Призраков.

Этот мир — мир духов, он находится под его властью. Мы способны удерживать только обычных мелких духов. Если явится сам Царь Призраков — ему и пальцем шевельнуть достаточно, чтобы уничтожить нас всех. Его сознание мы бы точно не смогли почувствовать.

Линь Сюэцэ невольно вспомнил мужчину из своих снов.

Да, он был красивым, с тёмной, опасной аурой, действительно чем-то напоминал призрачное существо... Но стоило ему вспомнить, что именно тот делал с ним во сне, как он тут же решительно отбросил эту версию.

Чтобы сам Царь Призраков... пришёл в его сон... и поцеловал его?!

Да это же абсурд.

Он — жалкий, слабейший в истории Король Демонов, да ещё и притащивший с собой кучку мелких духов в мир призраков.

Если бы Царь Призраков его обнаружил — хорошо, если бы просто убил. Какие уж тут поцелуи?!

— Это точно не может быть Царь Призраков! — тут же выпалил Линь Сюэцэ.

У Гуй и Сяо Хай явно были с ним согласны.

Миры и их владыки способны пожирать друг друга.

А Линь Сюэцэ как Король Демонов... был, мягко говоря, самым слабым за всю историю.

В глазах других владык миров он выглядел не иначе как уже приготовленное блюдо.

Если бы Царь Призраков появился — он бы просто проглотил его целиком.

До сегодняшнего дня Линь Сюэцэ бы просто не дожил.

— Тогда остаётся второй вариант, — сказал У Гуй. — Это мужчина-призрак.

Тот, кто способен бесшумно входить во сны, должен иметь с тобой особую связь.

— Мужчина-призрак... особую связь?.. — Линь Сюэцэ нахмурился.

— Малыш, — продолжил У Гуй, — вспомни свою жизнь в этом мире. За годы ты бывал в каких-нибудь проклятых домах, заброшенных местах, заключал договоры с призраками, сталкивался с тенями духов?

— Нет, — покачал головой Линь Сюэцэ.

Он был обычным человеком без духовной чувствительности.

Слышал множество городских легенд, но никогда не сталкивался с ними лично.

Из-за нищеты в семье Лин у него даже карманных денег не было. Его жизнь годами сводилась

к маршруту «школа — дом». Он почти никуда не выходил, не говоря уже о каких-то отдалённых, мрачных местах вроде «проклятых домов».

Но почему-то именно в этот момент в его памяти всплыли лица Чжэн Мэйлин, Линь Гохуа и Линь Цинтяня.

Тот день, когда он пробудил воспоминания прошлой жизни.

Он вернулся в дом Лин — а они уже сидели за столом, разложив инструменты для забора крови, спокойно ожидая, что он сам протянет руку.

Голос Линь Гохуа снова зазвучал у него в голове:

«Помнишь дядю Сюэ, который владеет сетью супермаркетов? Его сын в прошлом месяце погиб в аварии. Во время обряда мастер сказал: он не был женат, ушёл в одиночестве, с неисполненными желаниями, не может упокоиться. Дядя Сюэ хочет найти ему пару. Мы перебрали много вариантов и выяснили, что твои дата и час рождения идеально ему подходят. Поэтому дядя Сюэ решил... устроить вам брачный союз».

«Мы же современные люди, не будем слишком суеверными. Достаточно взять одну твою часто ношеную вещь и несколько чаш крови».

По оригинальному сюжету, после того как Линь Сюэцэ позволил им взять кровь, его удача начала стремительно угасать.

Он стал калекой, оказался на улице и умер в нищете и отчаянии.

Но после пробуждения он, разумеется, больше не позволил семье Линь пользоваться собой.

В тот же день он ушёл из дома, встретил У Гуя, поселился в этом особняке — и перестал считать тех троих своей семьёй.

Он больше о них не думал.

История с «браком», кровью и одеждой давно ушла в глубины памяти.

Но сейчас она вдруг всплыла сама собой.

— Линь Гохуа и Чжэн Мэйлин хотели выдать меня замуж за умершего мужчину, — медленно сказал Линь Сюэцэ. — Говорили, что нужно взять мою кровь и одну вещь, которую я часто носил. Я отказался и ушёл.

У Гуй и Сяо Хай переглянулись — и всё сразу стало ясно.

Даже если Линь Сюэцэ отказался, Линь Гохуа и Чжэн Мэйлин вполне могли самовольно завершить этот обряд.

После заключения «иньского» брака они формально стали супругами.

И тогда мужчина-призрак получил право входить в его сны — и находить его.

Из всех версий это объяснение выглядело самым логичным.

<http://bllate.org/book/14966/1344563>